

На правах рукописи

Мруд Сергей Владимирович

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В СИСТЕМЕ
РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 23.00.01 – Теория политики, история
и методология политических наук

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
политических наук

Москва 2005

Работа выполнена на кафедре культуры мира и демократии Российского государственного гуманитарного университета.

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
Логунов Александр Петрович

Официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор
Зимина Валентина Дмитриевна

кандидат философских наук, доцент
Мадатов Александр Сергеевич

Ведущая организация – Институт научной информации по
общественным наукам (ИНИОН) РАН

Защита состоится «11» ноября 2005 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета К.212.198.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата политических и юридических наук при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 103012, Москва, ул. Никольская, д. 9, ауд. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета (125267, Москва, Миусская пл., д. 6).

Автореферат разослан «10» октября 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Н.В. Шатина

2006-4
15239

2179702

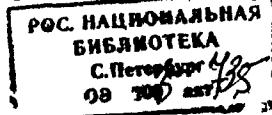
Общая характеристика работы

Обоснование научной проблемы и ее актуальность. Изменения современного российского политического пространства привлекли внимание исследователей к акторам политического процесса и идеям, влияющим на активизацию основных политических ресурсов. Понимание и объяснение этих изменений через изучение структуры и содержания диалога, формирующего политический дизайн современности, представляется весьма продуктивным.

При достаточно внимательном взгляде на временные особенности диалогового процесса можно заметить, что европейское Новое время придало политике иное качество: в ее центре оказалась борьба между государством (государственной властью) и обществом (общественным мнением) за перераспределение регулятивных возможностей (регулятивного потенциала). Подобная конкуренция привела к тому, что одним из доминирующих компонентов интеллектуальной жизни Нового времени становится *критика*.

Сам феномен критики отражает по-своему тип и характер социального диалога, воплощает в себе некоторые характерные смысловые черты социального взаимодействия. К одной из этих черт следует отнести *универсализм* диалогового процесса, делающий *критику* имманентной частью любой социальной сферы. Уже в XIX в. достаточно развитыми становятся философская, литературная, эстетическая, экономическая, политическая и иная критика.

В соответствии с той сферой, на которую направлена и в которой укоренена критика, она имеет свою бесспорную специфику и свое бесспорное своеобразие. Однако есть такие особенности критики как особого типа социального диалога, которые позволяют говорить о ее

универсализме.

Во-первых, критика способствует обособлению различных сфер социальной деятельности, обоснованию критериев самодостаточности и постановке «барьеров» против размывания этих сфер деятельности. «Профессионалы» защищаются от «дилетантов», представители различных социальных групп – друг от друга, и т. д. *Во-вторых*, критика способствует социализации различных сфер деятельности. С одной стороны, она «оправдывает» сам факт присутствия данной сферы деятельности, с другой – концентрирует внимание общества на необходимости его поддержки и обеспечения достаточных условий для его существования. *В-третьих*, критика решает задачи обеспечения внутренней динамики развития социальной сферы (по П. Сорокину, ее вертикальной и горизонтальной мобильности). И, наконец, *в-четвертых*, критика выражает претензии различных социальных сообществ, структур на выполнение общесоциальных функций. (Воспитание патриотизма и национальной самодостаточности – историческая критика; формирование этических ценностей – литературная критика; формирование гражданских основ и современного социального взаимодействия – политическая критика; и др.)

Важным основанием критики является то, что именно она представляет, иногда наиболее полно, *тип и качество* диалогового процесса.

Советский тип политической критики сформировался как отражение и продолжение генезиса крайних форм русского революционизма и цивилизационных особенностей русской интеллигентской культуры. Не просто сохранялся, но и углублялся монологизм, а поле интеллигентской состязательности практически полностью отсутствовало. Особенно важно то, что это накладывалось на системообразующую роль политической теории, строившейся на

абсолютизации собственного политического опыта.

В значительной степени такая ситуация породила кризис советской политической системы, определявшийся ее неспособностью адекватно реагировать на вызовы времени. А сам этот кризис привел к возникновению поливариантной критики, исходившей как «изнутри», так и «извне» системы.

Становление современных российских политических реалий происходило в условиях общего противостояния больших социальных групп, глубокого социокультурного кризиса, разворачивавшегося в рамках политической культуры, включающей в себя многочисленные элементы традиционализма.

Критики современной российской политической системы, как справа, так и слева, при всем различии их теоретических и политических установок чаще всего исходили из признания двух ее существенных недостатков. *Первым* таким недостатком была несовременность самой системы. При этом «левые» обосновывали свою позицию неспособностью (в лучшем случае, неэффективностью) системы решать наиболее острые социальные проблемы. «Правые» видели архаичность системы в ее несоответствии европейским политическим стандартам. *Вторым* недостатком стало отсутствие у ведущих политических акторов (президента и «партии власти») объединяющей идеологии и идеологического обоснования политического курса.

В целом в структурировании новой политической реальности существенное значение приобретало понятие «*преступление*» как выражение архаической формы дихотомии «мы – они». Именно понятие «*политическое преступление*» занимает важное место в политической критике середины 1980 – начала 1990-х годов.

Кризис советской политической системы привел к изменению не только правовых норм, но и отношения общества к пониманию

«политического содержания» преступления. Перестройка Горбачева началась с реабилитации партийных лидеров, репрессированных при Сталине. Напротив, «преступным» внезапно стало то, что на протяжении 70 лет советской власти было «единственно верным», «подлинно демократическим».

Так в структурировании новой политической реальности существенно трансформировались понятие и содержание политической критики.

Поливариантность критики переходного периода определяла ее доминирующую коммуникативную роль. В самой же политической критике домinantной метафорой становилась метафора «политического преступления».

Несмотря на значимость политической критики в реальном политико-коммуникативном процессе, до сих пор она не становилась предметом самостоятельного исследования. Вместе с тем ее изучение принципиально важно для понимания содержания и динамики политических процессов середины 1980–начала 1990-х годов, глубоких внутренних трансформаций политической культуры, а также изменения векторов политической динамики на всем протяжении 90-х годов. Кроме того, изучение политической критики позволяет актуализировать рассмотрение новых проблем, расширяя поле российской политической науки.

Историографическая традиция исследования проблемы. В содержании современных дискуссий о природе, свойствах и качествах политического явно обозначаются две тенденции: *первая* – расширительное толкование понятия политического, и *вторая* – сведение политического к особой системе операций и механизмов деятельности. При этом все большее внимание обращается на процессы качественного изменения сферы политической жизни во времени. Простое деление

политики на донововременную и нововременную уступило место более сложным градациям. Наряду с названным разделением активно используются понятия «современная политика», «политика постмодерна», «политика периода глобализации» и др. Несмотря на множественность существующих подходов, внутри них сохраняются, достаточно устойчиво, некоторые представления о смыслах, функциях и назначении политики как особой области социальной жизни.

Все это определяет особый интерес исследователей к природе и содержанию отношений, складывающихся между различными акторами политики в системе политического, т. е. к проблемам политического диалога.

Важную часть историографической основы диссертационного исследования составили работы, посвященные изучению *политических коммуникаций в современном обществе*. В западной политологической литературе рассмотрение этих проблем имеет давнюю научную традицию.

В рамках концепций постиндустриализма эти вопросы разрабатывали П. Бурдье, П. Дракер, М. Кастельс, М. Маклюэн, К. Поппер, Э. Тоффлер и др. Изучение политических коммуникаций проводилось также на базе школы структурного функционализма («системная модель» политической системы Д. Истона и «кибернетическая модель» К. Дойча). Появился и ряд отечественных публикаций, в которых анализировались вопросы политического управления, социальной обратной связи и роли политических коммуникаций в реализации политических задач.

В работах Л.Л. Бейкера, В.Р. Бадда, Г. Лассуэлла, Д. Фиске, С. Ратзена, С. Чанка, П. Сейтела, Д. Вотса предложены основы современных концепций массовой и политической коммуникации. С точки зрения изучаемой темы диссиденту представляется важным лассуэлловское определение модели массовой коммуникации – «акта

коммуникации», – раскрывающегося как ответ на последовательно возникающие вопросы: кто говорит? что говорит? по какому каналу? кому? с каким эффектом? Это определение позволяет структурировать исследование диалогового политического пространства.

В последнее время проблемы политических коммуникаций активно разрабатывают как зарубежные, так и российские авторы. В работах М.Д. Валовой, Т.Э. Гринберг, Е.А. Блажнова, С. Блэка, Л. Войтасика, М.Л. Земляновой, К.С. Гаджиева, Б.А. Грушина, Я.Н. Засурского, В.Н. Конецкой, Г.Г. Почепцова особое внимание уделяется рассмотрению политических коммуникаций как социально-политического института.

Внимание таких авторов, как М.Г. Анохин, В.С. Комаровский, В.И. Подшивалкина, Е.Г. Морозова, А.И. Ковлер, О.Ф. Шабров, И.Г. Яковлев, сосредоточено на различных прикладных аспектах политической коммуникации – роли политических партий как коммуникационного звена между обществом и государством; воздействии политических технологий на социально-экономическое развитие государства и др.

Проблемы политического диалога исследуются преимущественно в американской политической науке (R.J. Dalton, R. Putnam, J. Cohen). В работах этих авторов предпринимаются эффективные попытки разобраться в функциональном и структурном феномене политических коммуникаций в современном обществе. Однако даже американские исследователи обращают внимание прежде всего на деятельность политических акторов, участвующих в формировании политического дизайна, а также на выявление и анализ эффективных технологий, с помощью которых он формируется.

В рамках системно-коммуникативного подхода диссертант опирался на идеи одного из его основателей Д. Истона. Он выделил следующие,

значимые для нас, компоненты – «система», «среда», «реакция», «обратная связь». Но этот подход не разрешает все вопросы, имеющие существенное значение для понимания современной политики и политического диалога.

Теоретические основания исследуемой нами темы формируются в одной из последних и небесспорных работ российского автора В.М. Сергеева «Демократия как переговорный процесс». Он предлагает рассматривать современность как систему непрерывного и непрекращающегося диалога, а демократический процесс – как способ диалогового взаимодействия.

Значительной частью историографической традиции, важной для достижения поставленной диссертантом цели, являются исследования, посвященные проблемам становления, эволюции и содержания *политической критики*. Собственно, речь идет о целом пласте исследований, так или иначе затрагивающих проблемы социального взаимодействия (политическая культура, политические идеологии, политическая оппозиция и др.).

Авторы, изучающие русскую политическую культуру (Ю. Пивоваров, В. Сергеев, Н. Бирюков и др.), обращают внимание на целый ряд причин и условий, которые стимулируют закрепление и трансляцию традиций политической критики как одного из глубинных свойств российской политической культуры.

Изучение историографической традиции позволяет сделать ряд выводов.

В современных политических исследованиях осмысление природы, смысла и содержания политических коммуникаций занимает все более интеллектуально значимое место. Однако до сих пор в изучении процессов политической трансформации в России этим аспектам не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания

Практически вне зоны внимания исследователей остались структурообразующие смыслы политической критики (как системообразующего элемента политического дизайна) и политические метафоры, вокруг которых разворачивался политический диалог. По мнению диссертанта, исследование политической критики и ее системообразующих смыслов открывает значительные перспективы для анализа содержания и качества политической современности.

Цель и задачи диссертационного исследования. Диссертантставил себе целью рассмотрение содержания политической критики как важнейшего элемента политической коммуникации, определявшего структуру политического дизайна России в середине 1980 – начале 1990-х годов.

Для достижения этой цели решались следующие задачи:

- исследовались факторы, влиявшие на формирование содержания политической критики;
- рассматривались механизмы актуализации и использования базовых понятий, основные этапы и эволюция смыслов политической критики;
- выявлялись системообразующие понятия, вокруг которых конструировалось основное содержание политической критики;
- изучались способы интерпретации системообразующих понятий в процессе политических трансформаций.

Исследовательская гипотеза диссертации формулировалась как предположение о наличии в структуре критики в условиях трансформационных процессов определенных системообразующих смыслов и понятий. Диссертант предположил, что для периода трансформационных процессов 1985–1993 гг. таким понятием стало понятие «политическое преступление». Именно оно было тем фактором,

который определял политический дизайн России.

Источниковедческие основания диссертационного исследования.

Цель и задачи диссертации предопределили выбор источников и приемов их научной критики.

В первую группу источников вошли *официально-документальные* материалы. По ним восстанавливались основные элементы формирования и развития советской политической традиции, отношение к которой влияло на выработку и функционирование современной российской политической культуры.

Прежде всего речь идет о материалах съездов Верховного Совета СССР, Пленумов ЦК КПСС, конференций и съездов КПСС перестроечных лет, содержащих актуальную для проведенного исследования информацию о сущности и направленности политической критики и степени ее эффективности.

К этой же группе относятся документы советских органов власти, выступления, речи и статьи политических лидеров второй половины 1980 – первой половины 1990-х годов.

Вторую группу источников составили *правовые акты*. Среди них следует выделить законодательные акты Союза ССР и союзных республик, которые фиксируют процесс становления, развития и эволюции регулятивных основ политической деятельности, а также отношение к понятию «политического преступления». В эту же группу источников вошли и такие основополагающие акты, как Конституция РФ 1993 г., и важнейшие государственно-правовые акты Российской Федерации.

Третью группу источников составили *политические выступления* и *заявления политических лидеров*. Особое место среди них занимают работы М.С. Горбачева о формировании нового курса власти и той роли, которую играла политическая критика в становлении политических приоритетов. Сюда же относятся и документы, в которых говорится о

формировании новых политических установок и ценностей.

При подготовке диссертационного исследования использовались и *материалы российской периодической печати* середины 1980 – начала 1990-х годов («Правда», «Российская газета», «Независимая газета», «Литературная газета», «Известия», «Московский комсомолец», «День», «Советская Россия», «Парламентская неделя», «Русский порядок», «Проблемы мира и социализма», «Коммунист» и др.). Периодическая печать рассматриваемого периода содержит важную для проведенного исследования информацию о сущности политической критики, ее направленности и метафорах, вокруг которых она структурировалась. Кроме того, именно материалы периодической печати отражают реакцию общества на резкую конфронтационную риторику оппонентов.

И, наконец, в процессе подготовки диссертационного исследования активно использовалась *мемуарная литература*. Изучение мемуаров главных действующих лиц перестройки, несмотря на субъективизм, характерный для данного вида источников, позволяет выявить характеристики, которые авторы дают различным политическим лидерам и группам, принимавшим участие в формировании политической культуры современной России.

Теоретические и методологические основания диссертационного исследования. В настоящее время в политической науке активно дискутируется вопрос о роли и значении идеологического дискурса в формировании современной политики.

Модернистская традиция, все еще оказывающая влияние на поиск и реализацию теоретических предпочтений, ориентирует исследователей на рассмотрение политики и политического как производных от совокупности социально-политических условий их бытования. Иными словами все еще актуальным для многих исследователей остается классический марксистский тезис о том, что «*бытие определяет*

сознание», а базис – надстройку (при этом политика однозначно интерпретируется как элемент надстроенных явлений).

Вместе с тем все более значимым становится признание *постмодернистской* парадигмы, согласно которой наше бытие таково, каким его воспринимает и формирует наше *сознание*. Подобные, казалось бы, чисто умозрительные, посылки активно вторгаются в современную жизнь в самых неожиданных ситуациях.

В разработке своей *гипотезы* диссидент исходил из предположения о том, что в системе российских политических коммуникаций критика играла системообразующую роль, а в ее границах ключевым оказывалось понятие «политическое преступление». Через это понятие решались проблемы политической идентичности основных акторов российской политики. Данная гипотеза базируется на современных принципах политической антропологии, признающих значимость как парадигмальных, так и политико-культурных оснований формирования и функционирования политического бытия и политического пространства.

В качестве основных исследовательских методов использовались методы дискурсивного анализа и контент-анализа, которые позволили поставить и осмыслить ряд принципиальных проблем.

Научная новизна диссертационного исследования. Впервые в отечественной политической науке в диссертации проведено всестороннее исследование феномена политической критики как важнейшего элемента современной политической коммуникативной культуры.

Это позволило определить характерные черты «советской политической критики»: монологизм, актуализация архаических элементов, направленность на поиск «врага» и апелляция к базовым основаниям социальной деструкции.

В ходе исследования проблемы удалось выявить совокупность

факторов, воздействовавших на трансформацию содержания и смыслов политической критики, тем самым была рассмотрена динамическая характеристика эволюции политической критики в периоды глубоких трансформационных процессов.

В диссертационном исследовании выявлены, проанализированы и описаны основные функции политической критики, а также своеобразие критического потенциала, используемого различными политическими акторами в ходе выстраивания современного политического дизайна.

Особое вниманиеделено процессам эволюции политической критики в ходе глобальных трансформационных перемен периода перестройки и постперестроичного периода.

В научный оборот введен широкий спектр официально-документальных и публицистических материалов, позволивших выявить механизмы использования политической критики, а также своеобразие политического диалога внутри российского политического пространства второй половины 1980 – второй половины 1990-х годов.

Проведенное исследование дало возможность обосновать тот факт, что системообразующим элементом политического дискурса стало понятие «политическое преступление», вокруг которого формировалось новое политическое пространство.

Практическая значимость диссертационного исследования. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе разработки и чтения базовых учебных курсов по современным политическим процессам в России, истории политических партий и движений и др.

Кроме того, полученные выводы могут быть подтверждены практической деятельностью, связанной с избирательными и консалтинговыми практиками.

Апробация выводов, выносимых на защиту. Содержание

диссертационного исследования обсуждалось на заседании кафедры культуры мира и демократии в 2004 и 2005 гг. Основные положения диссертации апробированы на научных конференциях в Москве (2003), Сеуле (2003), Германии (2004).

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из *введения*, – в котором сформулирована основная исследовательская проблема, обоснована ее актуальность, историографические, источниковедческие и методологические основания разработки, а также определены новизна и практическая значимость исследования, – *трех глав* и *заключения*, где подведены итоги проведенного исследования, а также *приложения*, включающего в себя список источников и литературы по теме диссертационного исследования.

Основное содержание диссертации

В первой главе диссертации – «**Советский тип политической критики**» – выявлены и проанализированы концептуальные основания политической критики советского периода российской истории, ее характерные черты и внутренняя динамика.

Диссидентом исследованы характерные черты советской критики:

- ее крайний монологизм;
- абсолютизация собственного интеллектуального опыта;
- почти полное отсутствие поля интеллектуальной состязательности.

Все они являются во многом следствием вполне определенной интерпретации российскими марксистами взглядов Ф. Энгельса на теоретическую деятельность как разновидность классовой борьбы.

На основе изучения документов коммунистической партии и ее лидеров анализировалось закрепление идеологии марксизма-ленинизма

как «единственно верного» учения, не предполагавшего не только альтернативные, но и сколько-нибудь оригинальные взгляды на политику и политическое. Далее была исследована роль теории и теоретической деятельности в политической жизни советского государства, определены предпосылки своеобразной интерпретации марксизма российскими политическими практиками, послужившие основанием для становления специфического советского типа политической критики.

В диссертации определены функциональные задачи советской политической критики:

- исключение возможностей проникновения иных концепций и точек зрения в единое и целое политическое пространство;
- разоблачение любых альтернативных позиций как враждебных;
- выявление узких мест в политической практике и их устранение.

Далее прослежено влияние прикладных практических задач, стоявших перед советским государством в различные исторические периоды, на содержание и риторику политической критики. Исследовано содержание критики периода становления советского государства, сталинского периода, периода десталинизации (хрущевской оттепели) и периода брежневского застоя.

В заключении главы охарактеризованы основные черты советского типа политической критики как особого типа конструирования пространства социальных коммуникаций.

Отмечено, что советская политическая критика была продолжением русского революционизма и цивилизационных особенностей русской интеллектуальной культуры. Сделан вывод о том, что уже к 1920-м годам сформировался советский тип политической критики, смыслообразующими компонентами которой стали оправдание существовавшей политической власти, доказательство объективных предпосылок ее складывания и отсутствия альтернативы ей. Подчеркнуто,

что радикальная политическая критика сталинского периода была инструментом решения задач идеологического обоснования правящего режима и сложившейся в СССР системы власти. Являясь важнейшей составной частью политического дизайна, она выражала интересы и волю правящей элиты, устранивая даже потенциальную возможность формирования оппозиции. Одним из основных стал вывод о постановке в политической критике периода десталинизации проблемы «политического преступления».

Во второй главе – «Политическая критика периода кризиса советской системы» – исследованы причины эволюции политической критики, расширения ее «зон» и превращения критики в реальный инструмент политической борьбы за власть и право определения стратегического курса развития государства.

В диссертационном исследовании установлены основные акторы, формировавшие структуру политического дизайна и выступавшие проводниками определенных идей и смыслов новой инвариантной критики.

Выделены наиболее важные типы политической критики.

К *первому* типу отнесена критика «лигачевского» типа – коммунистически ориентированной политической элиты. Этот тип критики был сосредоточен на экономической, кадровой политике и проблемах нравственного очищения.

Второй тип критики – так называемая номенклатурная критика, которая выступала против любых социальных и политических инноваций. Критикуя М.С. Горбачева, представители этой группы не столько отстаивали коммунистические идеалы, сколько пытались сохранить свои властные позиции.

Третий тип критики исходил от людей, которые видели способ выхода из кризиса в возврате к догматическим социалистическим

принципам (Н. Андреева).

Четвертый тип антиперестроечной критики сформировался на основе апелляции к «традиционным ценностям русского народа» и постепенно эволюционировал в сторону националистических идей.

И, наконец, пятый тип критики актуализировал христианско-монархические идеи.

Анализ политических текстов позволил определить сущностные признаки динамики политической критики:

- поливариантность критических идей по мере нарастания социальной активности;
- консолидация критики на основе неприятия «другого» (образа врага);
- быстрота трансформации критических импульсов;
- сохранение общего социогенетического основания типов критик (несовпадение «критики словом» и «критики делом»).

В главе рассмотрено содержание и выявлены основные понятия политической критики периода горбачевской перестройки; уделено внимание тем основаниям, вокруг которых М.С. Горбачев и его команда вели поиск позитивного политического идеала.

На основе анализа внутренней динамики и содержания политических процессов второй половины 1980-х годов диссертант систематизировал и охарактеризовал определяющие черты и приоритеты политической критики «изнутри» и «извне» системы, отметил своеобразие их эволюции, во многом ставшей результатом трансформации взглядов руководства КПСС под воздействием критики «извне».

В главе также проанализировано соотнесение заявленных в критике позиций акторов и реальных и декларируемых ими целей. Наибольшее внимание уделено периодам обострения конфронтационной риторики, связанным с принятием принципиально важных политических,

экономических и административных решений. Тщательно исследован критический дискурс периода принятия решения об отмене ст. 6 Конституции СССР, так как именно отмена монополии КПСС на власть могла послужить основой становления критики нового типа, предполагавшей формирование реальной политической оппозиции и многопартийности.

Прослежены процессы нарастания конфронтационной риторики по мере углубления перестроечных процессов и актуализации понятия «политическое преступление» как основы структурирования политической критики.

Политическая критика в период перестройки претерпела существенную эволюцию. Заявленная Горбачевым новая система вопросов и поиск ответов на них должны были способствовать преодолению системного кризиса. Начав с критики предшествующего негативного опыта и признания кадровых просчетов, Горбачев выстроил концепцию перестройки на идее возвращения к «истинному социализму». «Запущенный» перестройкой процесс привел к изменениям как в типе, так и в содержании критики. При всей кажущейся «разности» типов перестроечной критики общей оставалась заявленная позиция «представительства интересов народа».

Важной характеристикой динамики политической критики периода перестройки было нарастание конфронтационной риторики. Кроме того, переход от «единой и монолитной» партийной идеологии, не допускавшей не только оппозиции, но и любой критики в адрес партийных программ и политики, привел к формированию оппозиционных групп, нараставшая конфронтация которых резко меняла уже не только риторический дискурс, но и политические практики.

Политическая элита и оппозиционные группы использовали конфронтационную риторику для мобилизации сторонников, которые

могли стать опорой в завоевании или сохранении власти. Сам тип критики был уже совершенно иным. Это – следствие уже не столько толчка «изнутри» системы, сколько спровоцированного этим толчком процесса.

В заключении главы отмечено, что основную причину превращения советской системы из базовой ценности в объект тотальной критики к середине 1980-х годов нужно искать в неспособности этой системы не только адекватно реагировать на новые вызовы, но и воспроизводить и транслировать эти ценности.

В третьей главе – «Политическая критика начала 1990-х годов» – прослежена перегруппировка акторов политического процесса и трансформация функций политической критики и ее риторического дискурса в начале 1990-х годов.

Выявлены следующие новые системообразующие компоненты политического дизайна, связанные с распадом СССР:

- демонтаж советской системы власти, начавшийся с ликвидации КПСС как стержня этой системы;
- стягивание властных полномочий к президенту и связанный с этим процессом новый конфликт внутри властных структур;
- усложнение конфигурации оппозиции и изменение содержания критики, обусловленное усилением борьбы за политические ресурсы.

Исследуя содержание противоречий между основными политическими акторами, формировавшее фокус критики, диссертант сделал вывод о том, что главным вопросом, вокруг которого вели спор оппоненты, был вопрос о системе организации власти в новой России.

В качестве важнейших политических акторов рассмотрены следующие группы:

- Б.Н. Ельцин и его окружение;
- руководство Советов в центре и на местах;

- руководители регионов, опиравшиеся на местные элиты;
- лидеры демократического движения;
- лидеры коммунистического движения;
- бизнес-элита, формировавшаяся в процессе гайдаровских реформ.

Диссидентом исследованы ресурсы, цели и задачи каждой из указанных групп, проанализировано соответствие реальных и декларируемых целей. Сделан вывод о том, что основу политической динамики первой половины 1990-х годов определяло противостояние значительно большего, чем в годы перестройки, числа политических акторов, а их конфигурация не оставалась неизменной. Линейное противостояние периода перестройки (коммунисты – реформаторы) трансформировалось в более сложную систему за счет размежеваний и трансформаций политических групп, сложившихся к осени 1991 г.

На основе исследования содержания политической критики, исходившей от многочисленных оппозиционных групп, диссидентом выявлены центральные элементы расхождения и консолидации – реформы Е.Т. Гайдара; замысел и практика проведения приватизации; распад СССР и роль в этом процессе Б.Н. Ельцина, характер взаимоотношений между новой российской властью и мировыми державами.

Анализ содержания политической критики в 1991–1993 гг. позволил выявить ее наиболее важные черты.

В качестве оснований критики, исходившей из официальных властных кругов, выделены следующие: демонизация образа коммунистов и коммунистического прошлого; обвинение всех политических оппонентов в тайном или явном сочувствии коммунизму; претензии на возможность и способность представлять и выражать глубинные общенациональные интересы; представление собственных политических интересов как

воплощение и отражение интересов общенациональных и мировых. На протяжении 1991–1993 гг. эти заложенные в критике идеи окружение Б.Н. Ельцина пытались представить в качестве новой государственной идеологии. Однако все попытки сформулировать общенациональную идеологию или хотя бы консолидирующую общество идею так и не увенчались успехом.

Политические и экономические реформы начала 1990-х годов и практика их проведения обусловили новую расстановку сил и вызвали обострение конфронтационной риторики. При этом критическая полемика в целом не выходила за рамки традиционной для советского общества онтологической картины мира. По-прежнему все участники дискурса исходили из представления о безальтернативности избранного пути. А отстаивание иных точек зрения (отличных для каждого из участников дискурса) в рамках российской традиции становилось поводом не столько для дискуссий, сколько для взаимного обвинения в «преступном характере» действий.

Проведенное исследование показало, что после событий 1993 г., окончившихся по сценарию формулой «победитель получает все», стратегии «нелояльной» оппозиции начали трансформироваться. Исход противостояния определил ситуацию, в которой открытый протест значительно снижал или полностью уничтожал ресурсную базу оппозиции. Победившая группа, поддержавшая Б.Н. Ельцина, угрожала оппонентам «открытым силовым давлением». Незэффективной становилась и тактика «ухода», так как она вела к маргинализации и полной утрате влияния оппозиционной группировкой.

Явственно обозначился переход от «нелояльной» (конфронтационной) риторики, в основе которой лежало взаимное обвинение в политических преступлениях, к врастанию оппонентов в новую систему, где простое политическое выживание требовало

соблюдения определенных правил игры. Период открытой конфронтации между отдельными политическими группировками закончился. Начался новый период, в условиях которого политические игры перестали быть публичным зрелищем. Соответствующим образом изменился и риторический дискурс.

В заключении главы сформулирован вывод о том, что системообразующим понятием, вокруг которого выстраивалась критическая риторика в начале 1990-х годов, было понятие «политическое преступление». Резкий поворот в критическом дискурсе, произошедший после событий октября 1993 г., позволил сделать вывод о «технологическом» характере использования метафоры «политическое преступление» оппозиционными силами в первой половине 1990-х годов. Как только стало ясно, что обвинение в «преступлении против народа» не просто утратило эффективность, но и поставило под сомнение сохранение статус-кво, наиболее агрессивные оппоненты (коммунисты) перешли к гораздо более сдержанной риторике, а сама коммунистическая оппозиция, встроившись в систему, приобрела характер лояльной.

В заключении диссертации сформулированы основные выводы, высказаны предложения о перспективах дальнейшей разработки поставленных в диссертационном исследовании проблем.

В приложении приводится список источников и научной литературы по теме диссертационного исследования.

**Основное содержание диссертации изложено в следующих
публикациях автора:**

1. Понятие «политического преступления» в юридической литературе // Журнал «ФИПП». 2004. № 7(1). 0,7 п. л.
2. Вызовы терроризма и ответы европейского права: проблема экстрадиции политических преступников. // Российско-европейские сравнительные исследования М., 2005. 0,75 п. л.
3. К понятию «политическая критика» и «политическое преступление» в российской и зарубежной современной политической культуре // Россия – Египет: перспективы сотрудничества: Материалы конференции. Каир, 2004. 0,5 п. л.

Для заметок

Для заметок

Сдано в печать 7 октября 2005г.
Объем печати 1,0 п.л. Заказ № 1055. Тираж 100 экз.
Отпечатано: ООО «Спринг-Принт»
г. Москва, ул. Краснобогатырская, 92
тел.: 963-41-11, 964-31-39

РНБ Русский фонд

2006-4
15239